

ЯДЕРНАЯ ИСТОРИЯ И ЗЛОБА ДНЯ (о судьбе ВИЕТ № 3, 1992 г.)

Пять десятилетий совершенной секретности вокруг советского ядерного оружия сделали свое дело. Безымянный закон диалектики, с особой силой действующий на нашей одной шестой, гласит: из крайности — в крайность. И сейчас общественный интерес, невзирая на все злобы дня, привлекают события далеких десятилетий, когда появились первые образцы советского ядерного оружия. Не меньше заботят, конечно, и последние образцы этого оружия, — как бы они или их создатели не злоупотребили нынешней свободой выезда. Ядерное прошлое, воплощенное в бумагах из архива КГБ, недавно встретилось с настоящим, об этой встрече писали многие газеты: «Правда» (16.7.1992), «Washington Post» (4.10.1992), «Московские новости» (4.10.1992), «Независимая газета» (17.10.1992) и «Литературная газета» (3.2.1993).

Историку, занимающемуся начальным этапом советского ядерного проекта, следовало бы удовлетворенно жмуриться в лучах общественного внимания, — не надо доказывать важность своих исследований. Тем более, что ясна и злободневность этой истории. Если мы поймем, как в стране, истощенной войной и сталинизмом, под руководством маршала Берии создавалось ядерное оружие, то будем лучше понимать возможности повторения этой истории в других странах, со своими сталинизмами и своими Бериями.

Однако лучи указанного общественного интереса в последнее время стали обжигающими. Поэтому даже историк науки чувствует необходимость высказаться, отложив в сторону свои архивные дела и беседы с участниками далеких событий. Особый повод дает недавняя и еще не закончившаяся история с публикацией документов из архива советской разведки, касающихся атомного шпионажа.

Если не заботиться о дипломатичности выражений, то для читателя газет, не углубленно-го в предмет, дело выглядит примерно так. Историки подготовили к публикации архивные документы, убедительно будто бы доказывающие, что советскую атомную бомбу создали американские физики и советские разведчики. А советские ученые-генералы, высокопоставленные ВПКашники, награжденные в свое время сталинскими премиями, звездами и всяческими благами, препятствуют этой публикации при содействии нынешнего правительства. Чтобы скрыть от народа правду. Чтобы место очередной советской сказки не заняла суровая быль. Ну, в самом деле, как в послевоенной разрушенной стране с терроризированной интеллигенцией, в разгар борьбы с идеализмом и космополитизмом советским физикам было совенноваться со «сборной мира», которая создавала американское ядерное оружие?!

Для историка науки это действительно волнующая загадка, точнее говоря, задачка. И я бы с удовольствием изложил соображения, почему считаю, что вклад советской разведки в создание атомной бомбы, при всей его важности, не был решающим, а в создание водородной — не был даже и существенным. И объяснил бы, почему с полным доверием принимаю свидетельство акад. Ю. Б. Харитона, опубликованное не так давно «Известиями»: «Полученные нашими разведчиками данные о работе в США по водородной бомбе оказались бесполезными» (*Харитон Ю. Б.* Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? // Известия, 1992. 8 дек.).

Впрочем, для зануды-историка даже единогласное мнение всех ветеранов советского и американского проектов было бы недостаточным. Ему подавай документальные свидетельства — реальные следы былых событий. Такие документы существуют. И они, судя по всему, более убедительно ответят на каверзный вопрос: первое советское термоядерное «изделие», придуманное в Физическом институте Академии наук осенью 1948 г., не имело аналога в американской программе, и уже поэтому говорить о заимствовании у американцев не приходится. Вот название позаимствовали — но из отечественной и скудной тогда хлебо-булочной сферы. Рецепт, придуманный А. Д. Сахаровым, в ФИАНе назвали «слоистой». А начинку для этой слойки, придуманную В. Л. Гинзбургом, назвали «лидочкой» — в честь лития и дейтерия.

Разумеется, эти две идеи превратились в страшное облако 1953 г. усилиями многих и многих первоклассных специалистов. И предположение, что анализ осадков после американского водородного взрыва 1952 г. мог стать источником советских знаний, тоже выглядит слабым. Даже если бы в СССР и хватило тогда умения провести такие анализы, они бы, скорее, помешали. Ведь там не оказалось бы лития, который в США начали применять только после советского испытания...

Однако здесь историк должен крепко взять себя за фалды, — для всех таких соображений письмо в редакцию — не лучший жанр, а сейчас — в начале систематических исследований — для них еще и не время.

Да и сама цель — доказать или опровергнуть, «решающий вклад или нет» — историка совсем не манит; такие приговоры, скорее, из области юриспруденции. С большим интересом знакомясь со свидетельствами даже ключевых фигур, историк стремится не столько найти прямое вещественное доказательство, сколько собрать совокупность косвенных «улик», которые только и могут воссоздать историческую реальность, реальную сцепленность и неразрывность событий, называемую мировой историей. Тогда можно будет понять, как жили и совместно работали злодей и талантливый организатор Берия, гуманитарный физик Сахаров и все поколение советских людей, к которому принадлежали и твои собственные родители, и старшие друзья... Только тогда можно будет и разгадать загадку — как люди этого поколения сумели создать столь науко- и трудоемкое оружие — оружие массового уничтожения или оружие уничтожения войн, еще не вполне ясно... Чтобы все это понять, нужно сопоставить сотни архивных документов, задать сотни точных вопросов. Чем историк науки увлеченно и занимается. Но таков уж это радио-, теле- и газетно-активный предмет, что изучать его в тиши кабинета практически невозможно.

Об этом свидетельствуют события последнего года, связанные с публикацией упомянутых документов из архива КГБ. Поскольку эти события разворачивались у меня на глазах, а некоторые — и с помощью моих рук, расскажу о них подробнее.

Осенью 1991 г. в Институт истории естествознания и техники попали документы из Архива КГБ о деятельности советской разведки по добыванию атомных секретов. Принес их Анатолий Антонович Яцков, бывший советский разведчик, ныне покойный, работавший в США как раз в те самые 40-е гг. В феврале 1992 г. он выступил на институтском семинаре, посвященном истории советского атомного проекта, рассказал об этих документах и о своей причастности к ним — и к добыванию в 40-е и к опубликованию в 90-е.

Для историков самое интересное в этих документах — не сам факт советского атомного шпионажа, — делу Клауса Фукса, одного из главных советских информаторов, посвящена большая литература. Особенно интересны пространные докладные записки И. В. Курчатова. Такие документы дают подлинное представление о тогдашнем состоянии и реальной жизни советского атомного проекта, о его механизме.

Доклад А. А. Яцкова и его ответы на вопросы произвели сильное впечатление своей серьезностью, ответственностью, пониманием роли физиков (в отличие от Яцкова некоторые его коллеги утверждают, что на долю ученых пришлось только получить звезды героев).

Поэтому, в частности, при подготовке этих документов к публикации в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» № 3, 1992 г. ни у кого не возникло и мысли, что рассекречивание этих документов в архиве КГБ могло произойти не по всем правилам. Тем более, что некоторые из документов, украшенные «исторической» подписью Берии, уже были опубликованы и обсуждались на телевидении.

Поэтому когда к нам в институт приехал Дэвид Холлоуэй, крупнейший западный специалист по истории советского ядерного оружия, с которым у нас уже многолетние плодотворные связи, то и ему показали эти документы.

И наконец, когда подготовка публикации уже завершалась, в институте решено было познакомить с ней академика Ю. Б. Харитона — непосредственного участника исторических событий и многолетнего научного руководителя Объекта, известного под именем Арзамас-16.

В сентябре прошлого года я доставил подготовленный материал для передачи его Ю. Б. Харитону — он как раз должен был приехать в Москву для лечения. В больнице Ю. Б. Харитон познакомился с документами, поддержал саму публикацию, но за исключением двух небольших документов. По его мнению, в этих документах содержалось слишком детальное описание устройства американской бомбы, и такая публикация не соответствовала бы обязательствам, связанным с Договором о нераспространении ядерного оружия. И Д. Холлоуэй, со своей стороны, высказал такое же опасение.

Только после этого обнаружилось, что общий разлад в стране не миновал и ведомство, предназначенное для самых секретных дел: рассекречивание обсуждаемых документов в КГБ прошло без соответствующей экспертизы специалистов из Министерства атомной энергии. Хотя утечка информации произошла фактически уже в момент рассекречивания, на высоком правительственном уровне было принято решение об изъятии тиража 3-го номера журнала. Надо понимать, вплоть до проведения соответствующей экспертизы. Однако когда принималось это решение, не было известно, что часть тиража журнала уже ушла к подписчикам...

По поводу возникшего положения имеются различные мнения. Некоторые считают, что это всего лишь перестраховка или даже намерение подретушировать историческую правду, поскольку де публикаций на Западе об урановом проекте тьма-тьмушая, и все давным-давно известно.

Я лично не разделяю такой уверенности. Для суждения в этой области, как мне кажется, необходимы весьма специальные и совершенно конкретные знания, историку недоступные. В данном случае перестраховка гораздо более заслуживает внимания, чем недооценка, которая может помочь какому-нибудь фюреру. Мне кажется, что следует с большим доверием относиться к мнению людей, профессионально занимающихся ядерно-дамокловым мечом, нависшим над человечеством, людей, привыкших к огромной ответственности за свои действия.

Хороший урок такой ответственности дает А. Д. Сахаров. Можно не говорить об информированности этого «отца водородной бомбы», если пользоваться шаблонным выражением. Еще очевиднее его самостоятельность, неподвластность правилам и инструкциям самим по себе. И тем не менее, будучи открытым противником государственного режима и бросая ему вызовы разного рода, он ни разу не использовал свою ядерно-оружейную информированность в «личных целях», не отделимых для него, как известно, от общественных. Наверно, потому, что ясно видел всю сложность и хрупкость нынешнего состояния ядерной цивилизации.

Исследование истории советского ядерного проекта только начинается, но по американскому опыту известно, что рассекречивание столь специфических архивов — дело очень непростое. Историки, конечно, ворчат на медлительность спецслужб, подозревают их в желании попросту сохранить собственные рабочие места. Но когда вспоминают о некоторых колоритных политических лидерах современности, то не спешат с огульными обвинениями. Тем более, что там, на Западе рассекречивание идет, хотя некоторые документы появляются с купюрами, но такая уж это взрывоопасная область.

Поэтому и здесь России помогло бы сотрудничество с Западом, где накоплен большой опыт цивилизованного обращения с секретными архивами. Это сотрудничество, собственно, уже происходит. При содействии уже упоминавшегося Д. Холлоуэя в Российское Министерство атомной энергии передан обширный архивный документ — «Хронология главных событий в развитии программы водородной бомбы». Этот документ, подготовленный в 50-е гг. для правительственных структур США, был рассекречен впоследствии, с некоторыми купюрами. Для историков это — бесценный источник. А для российских экспертов — хороший ориентир.

Возвращаясь к невезучей публикации, я бы не стал упрекать правительство в неразумном следовании воле ВПК. Хотя я и считаю свое дело — историю науки — главным, у правительства сейчас хватает не менее главных дел. И, думаю, узнав о подлинной ситуации, — что задержанной оказалась только часть тиража, — правительство отменит свое прошлогоднее решение.

И, надеюсь, вместо него примет другое решение — о налаживании надежных процедур в системе раскрытия архивов. Эта задача, видимо, потруднее привычной «совершенной секретности», но, как показывает мировой опыт, вполне разрешимая и более того — требующая своего решения. Потому что история советского ядерного проекта — не только интереснейшая компонента мировой истории XX в., но и важный источник наших знаний о нынешнем мире.

Г. Е. Горелик (ИИЕТ РАН)